

У истоков российского нефтяного дела

АЛЕКСАНДР МАТВЕЙЧУК

Кандидат исторических наук, действительный член РАЕН

XVIII век в истории России называют уникальным столетием преобразований, как политических и экономических, так и социально-культурных. Экстенсивная мощь страны в тот период стала одним из важнейших и великих мировых феноменов. С именем выдающегося реформатора, императора Петра I (1672-1725) связано также и начало проиндустриального этапа истории отечественной нефтяной промышленности.

В НАЧАЛЕ СЛАВНЫХ ДЕЛ

В планах великих петровских реформ особое место отводилось созданию и развитию отечественной горно-заводской отрасли. Так, согласно указу Петра I, от 24 августа 1700 года, для руководства горным делом в Москве было создано специализированное государственное ведомство – Приказ рудокопных дел.

Следует отметить, что интерес Петра I к нефти явно обозначился уже в первые годы его правления. 2 января 1703 года в стартовом номере первой русской печатной газеты «Ведомости», редактором которой вначале был сам царь, сразу же на первой странице была помещена следующая заметка: «Из Казани пишут. На реке Соку нашли много нефти и медной руды...» В то время нефть в России использовалась для производства «ядер огненных», «огненных копеец» и «огнестрельных стрел», а также применялась в медицине как лечебное средство и в составе красок для иконописных работ.

В 1716 году Петр I отправился за границу в продолжительное путешествие, длившееся почти два года. В ходе своего пребывания в Дании, Германии, Пруссии, Голландии, Франции, Европе он встречался с многими известными деятелями науки и горного дела. Это привело его к определенным выводам по поводу коренной реорганизации государственной системы управления, в том числе и горнозаводской промышленности. По возвращении в Россию 10 декабря 1719 года им подписан указ «Об учреждении Берг-коллегии для выделения в оное дел о рудах и минералах» и образовано центральное ведомство – Берг-коллегия.

В указе было особо подчеркнуто: «Наше Российское государство перед многими иными землями преизобилует и потребными металлами, и минералами преблагословенно есть, которые до нынешнего времени без всякого прилежания исканы... Надо, чтобы Божье благословение втуне под землей не оставалось».

Одновременно Петром I была утверждена и Берг-привилегия, установившая право наследственной собственности на горные заводы, гарантировавшая финансовую помощь от государства при строительстве предприятий и право свободного сбыта выплавленного металла, определявшая также и размер вознаграждения предприимчивым россиянам за найденные полезные ископаемые.

В начале второго десятилетия XVIII века в России существенно выросла потребность в нефти. Шло становление военного российского флота, и для гидроизоляции корпусов парусных деревянных судов был необходим битуминозный материал. В свою очередь рост численности корабельного пушечного оснащения потребовал увеличения объема зажигательных составов, в составе которых находилась нефть. Поэтому перед центральным горным ведомством Петром I была поставлена задача поиска на территории страны «нефтяных источников» способных устранить дефицит нефти.

Весной 1721 года в Санкт-Петербург поступило «доношение» мезенского «рудознатеца» Григория Черепанова о найденном им обильном «нефтяном ключе» в Пустозерском уезде Архангельской губернии. Президент Берг-кол-

легии, генерал-фельдцейхмейстер Яков Брюс (1669-1735) безотлагательно доложил об этом императору Петру I.

5 мая 1721 года Берг-коллегия «по Указу Великого государя» слушала дело «О сысканной невести доносителем Черепановым». После обсуждения было принято решение об освидетельствовании указанной местности: «А невяной ключ в Пустозерском уезде по Ухте речке освидетельствовать и учинить из него пробу Архангелогородской губернии аптекарю или кому из них пристойно, хто б во оном знал искусство, и для того велеть ему туда ехать немедленно и по пробе, ежели из него будет прямая нефть то оную освидетельствовать и каким рядом оную производить, и будет ли из оного прибыль, то ему аптекарю, изследовав и подписав свое мнение, писать о том имянно и тое невяную пробу прислать в Санкт-Петербурх в Берг-коллегию ради подлинного усмотрения...» Кроме того, по повелению Петра I было установлено вознаграждение для Григория Черепанова в шесть рублей серебром, «чтоб он также и прочие впредь к сысканию руд имел охоту».

Однако к вопросу о «нефтяном ключе» на реке Ухте Берг-коллегия вернулась через два года вследствие ряда причин, в первую очередь связанных с участием и победой страны в Русско-персидской войне. Таким образом, только 4 ноября 1723 года на заседании Берг-коллегии был оглашен документ «Отписка от города Архангельского о сыскании нефти», который, вероятно, не содержал требуемых конкретных сведений. В результате чего Берг-коллегия в своем указе «Приговорила взять у Черепанова и у капитана Босорогина в Архангелогородской губернской канцелярии обстоятельные ведомости... В каком расстоянии тот ключ от города Архангельского и от Пустозерского острога и в скольких сажнях тот ключ от реки Ухты или в самой реке и какие тут места каменные горы или болотные и довольно ль лесов и жилья в близости есть ли и какое число оной нефти в сутки можно начерпать и с водою оная нефть смешалась или без воды, а ежели он Босорогин о вышеописанном обстоятельстве показать не может и его на место послать и велеть описать и те ведомости и опись прислать в Берг-коллегию немедленно».

Из архивных источников известно, что летом 1724 года состоялось обследование нефтяного источника на Ухте и в том же году в Санкт-Петербург были доставлены несколько бутылей с ухтинской нефтью. Однако современным отечественным историкам пока не удалось обнаружить каких-либо документов о дальнейшей судьбе этой партии северной нефти. Следует отметить, что в последующее время, вплоть до самой своей кончины в феврале 1825 года, император Петр I не утратил интерес к нефти и даже планировал собрать для обсуждения состояния нефтяного дела «знающих людей».

КАСПИЙСКОЕ ДОСТОЯНИЕ ИМПЕРИИ

В первой четверти XVIII века Каспийский регион стал объектом пристального внимания императора Петра I, который рассматривал его как важный стратегический плацдарм – как для защиты границ страны, так

и для дальнейшего развития торговли России с Востоком. Тревожные известия из Персии показывали, что возможен негативный сценарий развития событий, что и привело российского императора к решению санкционировать «низовой» поход российской армии на Каспий.

Обстоятельная подготовка к этой сложной воинской операции потребовала почти три года. Первоначально, в 1719 году, два русских офицера Федор Саймонов и Карл Верден провели обстоятельную разведку региона, составив подробную карту Каспийского моря. Примечательно, что первый из них специально посетил нефтяные промыслы на Апшеронском полуострове. Многочисленные пометки Петра I на донесениях Федора Саймонова и Карла Вердена, а также русского посланника в Персии Артемия Вольнского, показывают, что «петролеум» постоянно находился в поле зрения императора.

Зимой 1721–1722 годов, когда вооруженные формирования воинственных афганских племен свергли правителя Персии шаха Султан Хуссейна, а законный наследник престола принц Тахмасп был вынужден бежать и скрывался в Прикаспийских областях Персии, для императора Петра I появился обоснованный повод выступить в защиту законной власти и лично возглавить 50-тысячную армию во время «Каспийской баталии». Начало мая 1722 года стало официальной датой начала Персидского (низового) похода. Флотом командовал генерал-адмирал Федор Апраксин (1661-1725), флотилией ластовых судов (плашкоутами) – уже упомянутый капитан-лейтенант Карл Верден, который досконально знал этот регион.

В августе 1722 года русские корабли были на пути к Дербенту, и около города Тарки император Петр I и несколько его спутников высадились на берег и пешком отправились к нефтяным колодцам, которые «изволил его величество смотреть». 23 августа 1722 года представители Дербента встретили российского самодержца с выражением всех почестей и вручили ему ключи от городских ворот.

Затем император вернулся в Астрахань, а командовать русскими войсками он поручил генерал-поручику Михаилу Матюшкину (1676-1737), который 4 ноября 1722 года получил «инструкцию» императора под названием «Когда, даст Бог, Баку возьмем, что чинить». Третьим пунктом стояла знаменательная фраза: «Разведать о пошлинах и доходах. А особливо о нефти и шафране. Сколько было в доброе время и сколько ныне, и что шаху, и что по карманам».

18 августа 1723 года по приказу генерала Матюшкина была составлена «Опись нефтяным колодцам и погребам около Баку». Согласно этому документу, «в поле», то есть на расстоянии от 10 до 20 верст от Баку, находилось 66 действующих колодцев и 16 амбаров, на втором промысле в 20 верстах от города – четыре колодца с «белой нефтью», а за городскими воротами находилось 14 амбаров с нефтью и пять пустых амбаров. В процессе добычи нефти были задействованы как местные жители, так и «беглые люди» с южных территорий.

Во второй «инструкции» от 9 сентября 1723 года император Петр I потребовал от генерала Матюшкина прислать несколько пудов нефти, что и было выполнено

в начале 1724 года, когда в Санкт-Петербург поступили восемь полных стеклянных бутылей.

Вскоре законное правительство Персии в лице нового шаха Тахмаспа признало «низовой» поход русских войск освободительной миссией. В благодарность за спасение страны по заключенному 12 сентября 1723 году Петербургскому договору Персия уступила России западные и южные области побережья Каспия, включая города Дербент, Баку, а также провинции Гилян, Мазандаран и Астрабад.

В конце сентября 1723 года генерал Матюшкин, находясь в Астрахани, получил указ Петра I «О вступлении его императорского величества в вечное владение городов Дербени, Баку и прочих провинций». В мае 1724 года император вновь приказал прислать ему «белой нефти тысячу пуд или сколько можно». И летом того же года из Баку в Астрахань, а затем и в столицу была доставлена первая «нефтяная» отправка в объеме 149 пудов.

После смерти императора Петра I в феврале 1725 года некоторое время государственный интерес к нефти по инерции еще сохранялся. Так, из содержания архивных документов следует, что по решению Коммерц-коллегии в феврале 1726 года купцу Любсу в Голландию были отправлены три бочки с нефтью. Иностранному посреднику было предложено узнать о ее реальной цене и возможных объемах продаж. И хотя, судя из отчета Коммерц-коллегии, спрос на нефть в Голландии оказался незначительным, однако при всей коммерческой неуспешности результатов можно говорить о попытке первого маркетингового исследования зарубежного нефтяного рынка, осуществленного российским правительственным учреждением около трех столетий назад.

Однако венценосные наследники императора Петра I в последующее десятилетие не смогли обеспечить сохранения каспийских приращений Российской империи, включая нефтяные промыслы на Апшеронском полуострове. Череда «дворцовых переворотов» во времена «дамского правления» существенно ослабила внешнеполитические позиции государства. В результате по Рештскому договору 1732 года и Гянджинскому трактату 1735 года прикаспийские области, включая бакинские нефтеносные территории, отошли к Персии. Таким образом, нефть для России вновь стала импортным товаром.

УХТИНСКИЙ НЕФТЯНОЙ ГАМБИТ

Через два десятилетия после смерти первого российского императора Берг-коллегия вновь вернулась к вопросу об ухтинской нефти. В Российском государственном архиве древних актов хранится документ под названием «Экстракт», содержащий повествование о деятельности первого российского частного нефтяного предприятия, принадлежавшего архангелогородцу Федору Прядунову (1696-1753). Вот только несколько строк из него: «...1745 году ноября 18 день по определению Берг-коллегии, а по доношению бывшей архангелогородской Берг-конторы по прошению архангелгородца Федора Прядунова велено в Архангелогородской губернии в Пустоозерском уезде в пустом месте при ма-

лой реке Ухте завезть нефтяной завод, распространяя содержать тот завод довольным капиталом без остановок и ту нефть продавать».

В книге Александра Шидловского «Исторические сведения о добычании нефти в Печорском крае», изданной в Архангельске в 1908 году, приведен указ Берг-коллегии от 3 февраля 1757 года, где имеется ссылка на дату начала работы промысла: «...бывшего нефтяного заводчика Федора Прядунова жена ево Федосья Сергеева дочь, до вологжанин посадской человек, Андрей Иванов сын Нагавиков прошением объявили, в прошлом де 1746 году в августе месяце по данному Архангелогородских и Лапланских заводов из Берг-коллегии мужу ее вышеозначенному Прядунову указу построен собственным ево коштом в Пустоозерском уезде в пустом месте при речке именуемой Ухтой нефтяной завод, который завод муж ее и производил из той нефти десятину в казну платил бездоимочно...». Из этого архивного документа следует, что добыча нефти на ухтинском промысле Федора Прядунова началась в августе 1746 года.

Детальное описание этого промысла приведено в книге К. Молчанова «Описание Архангельской губернии, ея городов, монастырей и других достопримечательных мест» (1813): «В окрестностях Ижмы на реке Ухте был нефтяной завод, который состоял из следующего строения: над самым нефтяным ключом, на середине биющим, построен четырехугольный сруб вышиной в 13 рядов, из коих шесть были загружены на дно, а прочие находились на поверхности земли. Внутри сруба поставлен узкодонный чан, который истекающую из воды нефть впускал в себя отверстием дна, от быстротекущей воды защищал его поставленный с одной стороны водорез».

До наших дней дошел и еще один уникальный документ об ухтинской нефти. Это «Свидетельство» от 6 мая 1747 года, составленное двумя немецкими исследователями Д. М. Миллером и М. Д. Лосау. Данный документ является приложением к февральскому «Доношению» Федора Прядунова № 524 от 1749 года, где он указал, что: «...материальной и двоеной нефти взял и послал в Гамбурх...». Зарубежные специалисты старательно провели исследование ухтинской нефти, сравнивая ее с итальянской нефтью, и сделали вывод о возможном ее применении «в студеньх мокротах, в вывихнутиях, в простужениях, в ознобах, в расслаблениях, в суставах ломовых случаях как каменное масло наружную добрую помощь учинят».

В документах, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов, имеются сведения, что в Москве в лаборатории Берг-коллегии 10 октября 1748 года обер-пробирер Лейман осуществил первую перегонку нефти, привезенной Прядуновым: «которой было взято на передвойку три фунта, из того числа вышло передвоенной чистой нефти два фунта». Далее архивный документ свидетельствует, что Федор Прядунов приступил к самостоятельной работе в этой лаборатории: «Того же октября 19 дня означенный Прядунов скаскою в Берг-коллегию показал привезено де им Прядуновым достаток а 746 и 747 годах маия по первое чис-

ло в Пустоозерском уезде при речке Ухте российской нефти в Москву Берг-коллегии в лабораторию сорок пудов, которая де им Прядуновым вся и передвоена. А по передвойке явилось чистой нефти две трети весом 26 пудов 26 фунтов с половиною...».

По «кондициям» соглашения с Берг-коллегией «заводчик» Прядунов должен был докладывать о положении дел дважды в год. Так, в 1748 году он сообщил, что в результате небывалого весеннего паводка и вызванных им разрушений в том году на Ухтинском промысле добыча нефти приостановилась. В следующем 1749 году на промысле было добыто всего шесть пудов нефти, в том числе и из-за того, что с августа Федор Прядунов по «жалобе» Главной медицинской канцелярии находился под арестом в Москве. Ранее ему было запрещено как «площадному неосвидетельствованному лекарю, лечить каменным маслом всякие болезни разного чина людей».

19 октября 1750 года по указанию Берг-коллегии «нефтяной завод» Прядунова был обследован специальной комиссией в составе капрала Григория Голенищева и земского бургомистра Федота Рочева. В этом отчете составлено достаточно подробное описание Ухтинского промысла, перечислены все сооружения в том числе: «На бору двор ветхой, подрубленный сенми и кровля, баня новая при дворе, три лагуна порозших да полубочье, а в нем квашня, чаша, блюдо и нефтяной ковш, да 55 бревен, лодка новая, ушат нефтяной». Вскоре после отъезда комиссии для Федора Прядунова началась полоса тяжелых испытаний, последовал судебный арест за недоимку в 35 рублей 23 копейки и многомесячное заключение в долговой тюрьме Москвы, где в марте 1753 года он и скончался. Так трагически оборвалась жизнь пионера отечественного нефтяного дела, сумевшего первым в России организовать промысловую добычу нефти.

Следует отметить, что его предприятие в условиях крепостническо-феодальной России имело определенные признаки скрытого капиталистического мелкотоварного производства: частный владелец, наемные работники из числа свободных крестьян, первые приспособления для сбора нефти с водной поверхности, стремление расширить производство для получения новых продуктов.

После смерти Федора Прядунова его «нефтяной завод» переходил из рук в руки различным предпринимателям. На основании ряда документов архива Архангелогородской губернской канцелярии, указов Сената и Берг-коллегии установлено, что в конце 1756 года права на промысел на Ухте перешли к вологодскому купцу Андрею Нагатику. Потом в 1760 году владельцем этого завода стал «черносошный крестьянин» Иван Мингалев, затем в 1765 году – яренский купец Михаил Баженов. Он сумел увеличить объем добычи нефти путем организации на реке Чути второго нефтяного промысла. И если в 1766 году им было добыто всего 25 пудов нефти, то в 1767 году – уже 40 пудов. В архиве хранится его «челобитная» в Берг-коллегию, в которой он просил о разрешении на добычу нефти на обширной территории в Пустоозерском уезде: «...места те с оными реки

и речки ж отдать ему в содержание и из добытой нефти обязывается он в казну платить десятинную пошлину».

В архивных документах зафиксирован отказ Берг-коллегии по данному вопросу, что было связано с «челобитной» жителя Нового Усоляя Василия Ратова и московского купца Александра Соболева на «добычу нефти на приисканных ими своим коштом в пустых, незаселенных местах по рекам Ижме, Пожне, Чуте, Маниде, где нефти имеется немало число...». Учитывая печальный опыт своих предшественников, они сразу поставили вопрос о льготном режиме налогообложения: «от платежа десятины на десять лет уволить – по новости того завода, дабы они употребленный во время прииску того минерала капитал возвратить могли».

Своим указом в августе 1767 года Берг-коллегия постановила Василию Ратову и Александру Соболеву добычу нефти «производить дозволить... и для записи данной нефти дать за скрепою и коллежской печатью книгу и велеть сколько когда добыто той нефти в ту шнуровую книгу записывать без утайки и деньги десятинные внести в Берг-коллегию». Была утверждена просьба заявителей о монопольных правах на добычу нефти на указанной территории: «Баженову и другим в тех местах добывать нефть запретить...». А вот в предоставлении налоговых льгот им было отказано с обоснованием, что нефть: «которая без всякого фабрик построения из рек единственно черпанием доставаться имеет и на то многова кошту непотребно». К сожалению, пока в отечественных архивах не удалось найти какие-либо сведения о деятельности этих ухтинских «нефедобычников» и судьбе их предприятия.

НА ПУТИ К НЕФТИ ПОВОЛЖЬЯ

В начале второй половины XVIII века была сделана первая попытка создания нефтяного промысла в Поволжском регионе, связанная с активной деятельностью башкирского предпринимателя Надыра Уразметова.

В 1753 году жители Уфимского уезда – старшина Надыр Уразметов, его сын Юсуп Надыров, а также Асля и Хозя Мозляковы – подали в Берг-коллегию прошение: «В прошлом 1752 году обыскали мы на собственных своих крепостных дачах в Уфимском уезде на Казанской дороге по Соке реке по обе стороны повыше Сергиевска городка вверх, едучи по правую сторону, подле горы Сарт-Ата, при которой маленькое озерко, и в том озерке имеется нефть черная, да повыше Сергиевского рубежа по реке по-русски называемой Сыргуте, а по татарски Кукорте... в которой тако же имеется нефть же... Да подле Соки и около Суршлы и Усаклы имеется озерко и в нем нефть же черная, да выше оног озерка вершины реки Соки лес Чоктемир, и с того лесу вышел маленький ключ, в нем нефть черная же. И из тех мест взяли той нефти для пробы фунтов десять или больше и просим оную черную нефть в Берг-коллегию принять и опробовать и для построения на предписанных собственных дачах нефтяного завода дать нам позволения...».

Выполняя поручение руководства Берг-коллегии, 21 февраля 1754 года берг-пробирер Христиан Леман направил рапорт об анализе нефти, найденной в районе реки Соки, где указал на ее пригодность для «различных дел». Анализ был обстоятельным, так как «определено соотношение золотников в белой и красной частях» или говоря современным языком «соотношение различных нефтяных фракций».

Своим решением от 12 июля 1754 года Берг-коллегия постановила: «...На прошение татарского старшины Надыра Уразметова, дан ему Надыру с сыном его Юсупом указ, около Закамской же линии на речке Карамале завод завести, для которого они вблизиности четыре нефтяные ключи сыскали и ту матерью оной Коллегии пробу объявили, которая по учиненному в той Коллегии опыту явилась действительна». Кроме того, заявители были освобождены от уплаты налогов на два года.

15 сентября 1754 года Оренбургская губернская канцелярия подтвердила заявителям «...о данном им позволении о строении на собственных их дачах в Уфимском уезде, на Казанской дороге на речке Кармалы нефтяного завода, и о нечинении им в построении того завода и в прииске нефти никому никаких обид и налог и утеснений, как иноверцам, так и протчим всякого звания людям, поселенным в их дачах...».

В начале 1757 года в Берг-коллегию был направлен рапорт Оренбургского горного начальства об освидетельствовании «нефтяного завода», где было сказано: «21 числа августа 1756 года для предписанного освидетельствования и описания от здешнего начальства был геодезии ученик Зубринский, которым то место освидетельствовано и описано, и положено на чертеж, и что потом освидетельствование и описание явилось о том до получения онного указа о кои Государственной Берг-коллегии от начальства 19 числа декабря того ж 1756 года донесли о том учиненный тем нефтяным местом чертеж послан января 14 дня 1757 года».

К сожалению, Надыру Уразметову не удалось закончить начатое дело. Об этом поведало «Доношение Оренбургского горного начальства Берг-коллегии» об обследовании его «нефтяного завода» от 19 декабря 1756 года, где сказано: «Надыр Уразметов, получив указ Берг-коллегии, прибыл в свою деревню и стал быть обдержим тяжчайшею болезнью, от которой и поныне никакого облечения не получил. Однако в прошлом 1755 году на том месте, где заводу назначено быть, и амбар для варения на первый случай построил. Но только за тою болезнью надлежащего заводу... построить и в надлежащее действие пустить не мог. А товарища своего сына Юсупа Надырова... в товарищи написал без согласия его, а сам он, Юсуп, тот завод строить не желает. А он, Надыр, когда от болезни освободится, тогда тот завод построить по обязательству своему желает». Однако Берг-Коллегия не посчиталась с болезнью Надыра Уразметова, чиновники не стали ждать его выздоровления и в конце 1757 года он был исключен из списка заводчиков. К сожалению, продолжателей его дела в тот период так и не нашлось.